

— Разумеется, жду встречи с моим распрекрасным двоюродным братом. Стал ванфэй — и тут же задрал нос, даже «братом» назвать не хочешь? — Ань Чанци усмехнулся и выпрямился. — Раньше ты себе такого не позволял.

Ань Чанцин расправил плечи. Лицо его оставалось спокойным, но тело невольно натянулось, как струна. Лишь мельком глянув на стоящего за спиной высокорослого и плечистого Чжао Ши, он немного расслабился — этого человека Сяо Чжигэ оставил специально для его защиты.

— Времена меняются, а вместе с ними и люди.

Ань Чанци усмехнулся:

— Видать, ты неплохо ублажаешь Бэйчжань-вана? И как? Слышал я, Бэйчжань-ван любитель развлечься с выдумкой, сил-то хватает?

Его слова звучали неприкрыто и гнусно. Заметив, что, хоть Ань Чанцин и побледнел, его черты стали лишь привлекательнее и ярче, Ань Чанци не удержался: сделал шаг вперед и протянул руку, намереваясь коснуться его лица. Однако не успели его пальцы дотронуться до щеки, как к его шее прижалось лезвие холодного клинка. Дюжий Чжао Ши заслонил собой Ань Чанчина и, враждебно воззрившись на Ань Чанци, ледяным тоном предостерег:

— Князь приказал: всякого, кто проявит неуважение к ванфэй, казнить на месте!

— Ого, всего несколько дней прошло, а ты уже научился укрываться за чужой спиной? — Лицо Ань Чанци исказилось, в глазах мелькнул мрачный огонёк. — А третий брат, смотрю, набрался смелости...

— Чжао Ши, действуй! — не дав ему закончить грязные излияния, прямо приказал Ань Чанцин.

Услышав приказ, Чжао Ши нажал на рукоять, и лезвие, доселе лишь слегка касавшееся шеи, без колебаний врезалось в плоть.

Ань Чанци замер. Он неверующе прикоснулся к шее и увидел, что вся ладонь залита кровью.

Его глаза широко раскрылись, лицо перекосило от ярости. Переведя свирепый взгляд на Ань Чанчина, он процедил сквозь зубы:

— Ах ты, маленькая дрянь! Да как ты смеешь?!

Беспокоясь об Ань Чанцине, Сяо Чжигэ закончил с утренним смотром войск в военном лагере и сразу же поскакал на коне к резиденции канцлера. Получив известие о его прибытии, Ань Чжикэ лично вышел встретить его. Услышав, что князь ищет Ань Чанчина, он слегка удивился:

— Ванфэй отправился в задние покои навестить наложницу Юй.

— Я пойду к нему, — сказал Сяо Чжигэ. — Веди.

Его привычка отдавать приказания как нечто само собой разумеющееся заставила Ань Чжикэ потемнеть лицом, но ослушаться он не посмел и повел князя в задние покои.

Кто бы мог подумать, что на полпути до них издалека донесется насмешливый мужской голос:

— Видать, ты неплохо ублажаешь Бэйчжань-вана? И как? Слышал я, Бэйчжань-ван любитель развлечься с выдумкой, сил-то хватает?

Ань Чжикэ изменился в лице и уже собирался окликнуть наглеца, но Сяо Чжигэ остановил его взмахом руки.

Лицо Сяо Чжигэ стало мертвенно-бледным от гнева, каждый его шаг дышал лютой жадой крови.

Однако говоривший продолжал испытывать судьбу:

— Ого, всего несколько дней прошло, а ты уже научился укрываться за чужой спиной... А третий брат, смотрю, набрался смелости...

Силуэт Сяо Чжигэ скрылся за поворотом. Ань Чжикэ как раз размышлял о том, как загладить эту оплошность, когда вдруг раздался вопль, полный нечеловеческой боли.

Этот крик показался Ань Чжикэ слишком знакомым. Вздрыгнув, он внезапно осознал, что голос принадлежит не кому иному, как племяннику из второй ветви семьи — Ань Чанци. Поспешив вперед, он увидел Сяо Чжигэ, который одной рукой прижимал к себе Ань Чанчина и что-то тихо ему говорил. В другой, свободной руке он держал копье из вороненой стали, на острие которого алела кровь. А неподалеку от них, в сухой траве, катался в стенаниях Ань Чанци, сжимая отрубленную кисть руки.

Ань Чжикэ понял: добром это не кончится.

Если бы сегодня оскорбил Ань Чанчина кто угодно другой, не связанный с ними кровными узами, Ань Чжикэ без колебаний расправился бы с ним и замял дело. Но им оказался именно Ань Чанци.

Ань Чанци был единственным сыном во второй ветви семьи. Его второй младший брат, Ань Чжишоу, хоть и не стал чиновником, прекрасно разбирался в торговле и женился на любимой дочери крупнейшего купца из округа Сюйчан. За эти годы с помощью семьи жены он развернул крупное дело. А сам Ань Чжикэ, пусть и был старшим сыном законной жены, носил титул гуна Цзинго и занимал пост канцлера, его жалования не хватало на содержание огромного дома и поддержание связей. Все эти годы именно вторая ветвь помогала деньгами и связями.

Поэтому, хоть Ань Чанци и был развратным, отпетым кутилой, Ань Чжикэ относился к этому племяннику весьма снисходительно и тепло.

Но теперь Ань Чанци вознамерился покуситься на родного двоюродного брата, да еще и застигнут был с поличным Бэйчжань-ваном! Тут Ань Чжикэ не то что замять скандал — даже сохранить жизнь племяннику едва ли сумеет.

В его голове в мгновение ока пронеслось множество мыслей. Ань Чжикэ бросил беглый взгляд на третьего сына, чью фигуру наполовину заслонял Сяо Чжигэ, и с холодным выражением лица отвесил князю глубокий поклон:

— Ваше Высочество, ниспошлите милость! Чанцин и Чанци с детства были очень близки, оттого в шутливом разговоре и вырвались грубые слова. Это вовсе не проявление неуважения к Вашему Высочеству. Молю Ваше Высочество простить его на первый раз! Впредь я непременно возьмусь за его воспитание и не позволю распускать язык!

Канцлер Ань славился своим красноречием и умением выдать черное за белое. Намерение Ань Чанци совершить мерзость, его домогательства и унижения в адрес Ань Чанчина в его устах превратились в безобидную братскую шутку.

Он посмотрел на Ань Чанчина и проговорил нарочито медленным, пониженным тоном, в котором сквозило повелительное властолюбие:

— Чанцин, ты ведь знаешь характер своего брата. В детстве он заботился о тебе больше всех. Пускай его речи грубы, но душа у него не зла. Неужели ты допустишь, чтобы из-за глупой шутки твой брат лишился жизни?

Тело Ань Чанчина дрогнуло. Он поднял лицо, прижимаясь к груди Сяо Чжигэ; его щеки были мертвенно-бледны, а темные глаза казались пустыми и потухшими:

— Отец хочет, чтобы я пощадил его?

Мышцы на лице Ань Чжигэ дернулись, но голос звучал наставительно и убедительно:

— Чанци относился к тебе недурно.

— Так ты обо всем знал? — Ань Чанцин внезапно рассмеялся, но в его взгляде вспыхнула такая лютая ненависть, что зубы скрипнули. — Так ты давно обо всем знал!

От автора:

Сяо Чжигэ: Обижают мою жену? Зарублю нафиг :)

Ань Чанци долгое время был самым страшным кошмаром Ань Чанчина.

Ань Чанцин с самого детства обладал редкой красотой. Когда он был маленьким и черты лица еще не сформировались окончательно, в нем проскальзывала утонченная, андрогинная прелесть. Сестры завидовали тому, что он красивее их, а братья презирали за сходство с девчонкой. Ань Чанчина не любили ни те, ни другие, и каждый норовил его обидеть. В течение долгого времени его детство оставалось беспросветным и мрачным. Единственным, кто протянул ему руку помощи, был двоюродный брат Ань Чанци.

Ань Чанци был единственным сыном во второй ветви, и его баловали с самого рождения. Он был на пять лет старше Ань Чанчина: когда Ань Чанчину исполнилось одиннадцать-двенадцать лет, Ань Чанци уже был шестнадцати-семнадцатилетним юношей. В семье Ань, если не считать законного старшего сына первой ветви Ань Чаньюя, он был самым старшим среди братьев и пользовался наибольшей любовью старой госпожи.

Когда он проучил остальных братьев и сестер и вызволил Ань Чанчина, запертого в сарае для дров, тот от всего сердца проникся искренним уважением и теплой привязанностью к старшему брату. С тех пор Ань Чанци относился к нему очень хорошо: защищал от нападок родни, угощал вкусными сладостями и дарил новую красивую одежду.

Если бы в день его двенадцатилетия Ань Чанци не попытался надругаться над ним, всё так и оставалось бы прекрасным.

Ань Чанцин до сих пор помнил, что то был весенний день — пятнадцатое число второго месяца. Накануне дня весеннего равноденствия вся семья Ань суежилась, готовясь к выезду на природу и весеннему пиру, и никто не вспомнил, что именно в этот день родился третий молодой

господин резиденции канцлера. Ань Чанцин съел пиалу лапши долголетия, приготовленной матерью, и собирался выйти за лекарством, когда столкнулся с Ань Чанци.

В тот день Ань Чанци улыбался необычайно приветливо. Ань Чанцин помнил каждое его слово.

Он сказал:

— Третий брат, сегодня твой день рождения. Я приготовил для тебя подарок, не хочешь посмотреть?

Наивный Ань Чанцин радостно пошел за ним. Но он и помыслить не мог, что его заманят в пустующий боковой флигель, чтобы совершить насилие. В тот миг Ань Чанци словно переродился: из его уст сыпались признания в любви, а взгляд наполнился похотью. Он пытался обманом и лаской заставить его подчиниться.

Хоть Ань Чанцин и был наивен, но глупцом не являлся. Он мгновенно схватил медный подсвечник и со всей силы ударил им брата по голове, а пока тот корчился от боли, выпрыгнул через незапертое заднее окно прямо в Декоративный пруд. Лишь благодаря тому, что Ань Чанци не умел плавать, а мимо как раз проходили слуги, Ань Чанцину удалось избежать беды.

Однако с тех пор Ань Чанци сбросил притворную маску. Он не только перестал заступаться за него, но и раз за разом подговаривал других братьев и сестер издеваться над ним. А сталкиваясь с ним наедине, смотрел так, словно хотел сожрать живьем. Жизнь Ань Чанчина стала еще тяжелее, чем прежде: ему приходилось не только справляться с чужой злобой, но и изо всех сил избегать встреч с Ань Чанци.

Лишь когда Ань Чанци исполнилось восемнадцать и он обручился и женился, Ань Чанцину стало дышать чуточку легче, и он намеренно постарался забыть тот гнусный случай.

Вот только он всегда был уверен, что кроме него самого и Ань Чанци ни одна душа в доме не ведала об этой мерзкой и грязной истории.

<http://bllate.org/book/18381/1767592>